Иван Петрович
Иванов-Вано

110 лет
со дня рождения

Юрий Борисович Норштейн
Марина Курчевская
Наталья Абрамова
Анатолий Алексеевич Петров
Наталья Геннадьевна Кривуля
Галина Ивановна Иванова-Вано
Станислав М. Соколов

Иван Петрович Иванов-Вано. 110 лет со дня рождения

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33614918
Иван Петрович Иванов-Вано. 110 лет со дня рождения: ВГИК; М.; 2009
ISBN 978-5-87149-116-4

Аннотация

Сборник воспоминаний и статей о Народном артисте СССР, режиссере, художнике, профессоре ВГИКа Иване Петровиче Иванове-Вано (1900–1987) включает в себя воспоминания дочери, редактора, режиссеров и художников, многие годы работавших с мастером. Предназначен для студентов гуманитарных факультетов университета.

Содержание

Предисловие 5
Галина Иванова 8
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Н. Абрамова, Г. Иванова, Н. Кривуля, М. Курчевская, Ю. Норштейн, А. Петров, С. Соколов Иван Петрович Иванов-Вано. 110 лет со дня рождения

© Н. Абрамова, Г. Иванова, Н. Кривуля, М. Курчевская, Ю. Норштейн, А. Петров, С. Соколов.

© Всероссийский государственный университет кинематографии им. С.А. Герасимова (ВГИК), 2009

Предисловие

Небольшой по объему юбилейный сборник воспоминаний и статей о классике советской и российской мультипликации, основоположнике анимационного обучения во ВГИКе Иване Петровиче Иванове-Вано дает возможность взглянуть на великого мастера с разных точек зрения.

Воспоминания людей, хорошо знавших и многие годы работавших с Иваном Петровичем, помогут преодолеть стереотип восприятия его творчества и его жизненного пути, как череду успехов и наград, преодолеть впечатление легкости в достижении вершин искусства.

Такой объемный, стереоскопический взгляд на этого выдающегося человека, несомненно, приблизит к нам образ легендарного Вано, сделает его живым и доступным, каким, в сущности, и был Иван Петрович.

Трогательные воспоминания Галины Ивановны Ивановой, дочери и ближайшего друга, подробно описывающей молодые годы художника, семью и его путь в мультипликацию. Трудности и гонения, которые нередко выпадали на долю Ивана Петровича в тяжелые времена, помогут нам по-новому понять и осмыслить многие его произведения. В своей книге о мультипликации и о своих соратниках «Кадр за кадром» Иван Петрович скромно опускает удары судьбы, которые ему пришлось принять и стойко выдержать. В этом

смысле воспоминания Галины Ивановны наполняют реальной жизнью официальную биографию мастера, казалось бы, состоящую из одних триумфов и развеивают миф о том, что Иван Петрович «родился не просто в рубашке, а в габардиновом пальто».

Статья Натальи Николаевны Абрамовой, многие годы проработавшей с Иваном Петровичем в качестве редактора на киностудии «Союзмультфильм», представляет собой широкий обзор его творчества и анимационных открытий, объясняет его страстную приверженность русскому народному искусству.

Воспоминания выдающегося мастера анимации Юрия Борисовича Норштейна (почетного профессора ВГИКа), показывают процесс творчества его учителя и соратника изнутри, где великое и смешное неразрывно связаны между собой.

Анатолий Алексеевич Петров, великолепный режиссер, аниматор и педагог также многие годы работал рядом с Ивановым-Вано и рассказал об этом с юмором, без которого не существует искусства анимации.

Живые зарисовки Марины Курчевской, ученицы Иванова-Вано, дочери режиссера, художника и педагога Вадима Владимировича Курчевского, с раннего детства дружившей с Иваном Петровичем, дополняют картину жизни большого мастера, жизнелюба и кулинара.

Исследования доктора искусствоведения и художника Натальи Геннадьевны Кривуля вводят творчество И. Вано в

контекст мирового искусства анимации.

Мои воспоминания о времени учебы у Ивана Петровича, работы с ним на студии и о нашем совместном преподавании, я надеюсь, добавят еще одну точку зрения, с которой были видны его личные и педагогические качества.

Мы надеемся, что, читая о великом мастере, молодые художники увидят живого Ивана Петровича Иванова-Вано, человека, преодолевшего множество преград в очень непростое время и ставшего, несмотря ни на что, выдающейся творческой личностью и классиком мировой анимации.

С.М.Соколов

Галина Иванова
Отец, каким я его помню

Вспоминать ушедшего из жизни любимого человека, отца и верного друга, дорогого Вано, – так звали его в молодые годы, – Ванечку, Ваника, как звали его в семье к старости, и приятно, и мучительно. Приятно, так как вспоминается всё хорошее, связанное с жизнью с отцом, его ласка, тепло, интонации его голоса, некоторые характерные жесты… И мучительно трудно, так как из всех личных моих воспоминаний надо выбрать самое важное, существенное, что может другим людям помочь понять всю сложность, незаурядность его натуры, силу его интеллекта.

Отец был очень противоречивым человеком: добрым и строгим, мягким и нетерпимым, нежным, ранимым и грубым до безобразия, трудолюбивым, терпеливым и вечно спешащим заглянуть вперед: что «там, за поворотом»?

Но главное – он умел любить.

Любил жизнь, землю во всех ее ипостасях, ее природное разнообразие, людей и великие творения людей. Но больше всего он любил свою профессию – мультипликацию, давшую ему счастье творчества и возможность выразить свою сущность, свое видение художественного произведения, жизненного явления, свои взгляды на жизнь.

Он восторженно и трогательно любил мою маму – с первой встречи и до последнего дня.

Он любил нас всех – своих родных и близких ему по духу людей, своих товарищей; заботился, помогал, спорил, ссорился, ругал, радовался нашим удачам.

Родом из детства

Родился он в Москве, в Охотном ряду (Лоскутный переулок напротив «Националя») 9 февраля 1900 г. по новому стилю, 27 января по старому стилю. (В справочных материалах об И.П. Иванове-Вано перепутаны эти даты, даже по телевидению в передачах об отце приводились неверные числа). Этот район потом был сломан, и на его месте теперь Манежная площадь. Осталась только Георгиевская церковь во дворах позади здания Госдумы, где папа был крещен.

Отец Ивана Петровича, Петр Иванович Иванов, числился «безземельным крестьянином Калужской губернии Медынского уезда Межечинской волости», который переселился в Москву в конце 60-х – начале 70-х годов XIX века, стал сапожником и работал у хозяина в Охотном ряду. Его жена Иванова Елизавета Митрофановна – того же социального положения, неграмотная. У них было 7 детей, из которых к моменту папиного рождения осталось четверо. Старший, Михаил Иванович, сначала работал «мальчиком», потом приказчиком в купеческой лавке где-то на Таганке, за-

тем окончил технические курсы (училище) и после революции работал в технических мастерских при Казанском вокзале. Николай Петрович (?? – 1955) окончил курсы бухгалтеров, работал по специальности. Евдокия Петровна (1881–1966) училась 2 года у И.И. Машкова, в 1907 г. вышла замуж за его приятеля, художника Константина Васильевича Спасского, преподававшего рисунок в Московской школе живописи, ваяния и зодчества. Следующим ребенком была Елизавета Петровна (1895–1915), которую папа считал самой талантливой из всей семьи. К сожалению, она страдала туберкулезом легких (этим заболеванием переболели все дети семьи, кроме папы) и, простудившись, в 1915 г. скоропостижно умерла.

Мама Ивана Петровича ходила поденщицей по квартирам, она стирала и штопала тонкое белье и кружевные блузки, работала, в основном, на кухне, где маленький Ваня приобрел свои первые знания в кулинарном искусстве, которым он потом славился.

Молодежь семьи Ивановых, как и большинство людей того времени, тяготела к искусству. Михаил Петрович увлекался фотографией, Евдокия и Елизавета любили театр и участвовали в любительских спектаклях. В молодости у них у всех, кроме Михаила, были странные для русской семьи имена. Так, Евдокия звалась Диной, а не Дусей, и так и осталась Диной до конца свей жизни, Николай был Коко, а не Коля (с возрастом он стал Колей). Младший, Ваня, стал Ва-

но, и это имя со временем перешло в псевдоним.

Маленький Ваня-Вано избежал увлечения любительскими спектаклями, но зато у него был свой рисованный театр "на печи". Его довольно сложное для восьмилетнего мальчика устройство описывается в статье Наталии Абрамовой. Зрителями этих представлений были родные и знакомые.

Папа начал рисовать рано, даже не помнил, с какого возраста. Использовал клочки, оберточную бумагу. Карандаши и краски дарили студенты, жившие по соседству, а также старший брат Михаил, который, хотя и был уже женат, жил отдельно и имел своих детей, заботился о младших братьях и сестрах.

Среда Охотного ряда оставила свой след в душе мальчика. У И.Д. Сытина читаем: «На площади до Никитских ворот вдоль Моховой до 1932 г. стояли двухэтажные дома конца XVIII в. В нижних этажах помещались почти только одни книжные магазины, а в верхних – дешевые меблированные комнаты, в которых обитали большей частью студенты Московского университета. Во дворах внутри кварталов … мелкие амбары, сараи, домишки, в которых ютилась беднота». В таком «домишке» и жила семья Ивановых. Здесь важна близость книжных лавок; с раннего детства отец имел возможность рассматривать дешевые, ярко разрисованные хорошими художниками книги издания И.Д. Сытина «со товарищи», любоваться народным творчеством русского лубка. В стиле русского лубка в издательстве Сытина работали та-

кие видные художники, как А.М. и В.М. Васнецовы, В.Д. Поленов, Н.Д. Бартрам, М.О. Микешин, С.В. Малютин и другие, а Н.А. Касаткин вел специальные курсы иллюстрации для народных художников лубка. Конечно, основную торговлю книг И.Д. Сытин вел через свои лавки на Никольском рынке, но он же жаловался, что из лавок книги быстро раскупались и продавались на других рынках и в книжных лавках. А издавал он сказки Пушкина, Жуковского, русские народные сказки, былины, и содержания именно этих книг становились сюжетами для театральных действий Вани-Вано.

В моем раннем детстве я запомнила присказку отца, когда он видел миловидную румяную девочку или женщину: «Катя, Катя, Катерина, разрисована картина». А это была подпись лубка М.О. Микешина «Это наша Катерина, намалевана картина». Увлекался лубком в это время даже сам Илья Иванович Машков, в будущем – один из учителей отца по живописи. В 1914–15 гг. им была создана серия лубков на стихи В.В. Маяковского.

Мой дед со стороны папы, Петр Иванович, бросил свою семью. В воспоминаниях моего отца о нем осталось очень мало: стал довольно хорошим сапожником, шил офицерские сапоги «со скрипом». Как гордо говорил Иван Петрович, «не каждый мастер сошьет со скрипом». Дед был строг с детьми, нещадно бил младшего за опоздания на службу в церковь, за «баловство» на печке. Маму свою мой отец поминал добром за суровую заботу в детстве, жалел ее.

Мать Ивана Петровича была очень набожным человеком. По большим праздникам она с детьми ходила в Новодевичий монастырь на службу, на обратной дороге они задерживались на Девичьем поле, где по праздникам ставились балаганы, выступали кукольники и скоморохи. Отец очень красочно описывал эти путешествия и свои впечатления от этих представлений. Говорил мне Вадим Вадимович Курчевский: «Купи магнитофон, записывай за отцом, это же кладезь, потом не простишь себе». Да, надо было слушать умных людей…

Красота церковных служб также отложила свой отпечаток в душе мальчика, хотя в дальнейшей «взрослой» жизни в церковь он ходил очень редко. Мне запомнился один раз, когда во всех церквях шел молебен по погибшим в Великой Отечественной войне, от стоял отдельно, очень сосредоточенный.

Но церковные службы он запомнил, что доказывает такой случай. Однажды, где-то в 60-х годах, мой начальник и друг нашей семьи А.С. Рыковский, очень легкомысленно настроенный, пригласил папу поехать с ним в охотхозяйство – сам на охоту, а папа – на рыбалку, а было это как раз под Пасху. Он оптимистично рассчитал время, чтобы попасть в Троице-Сергиеву лавру, отстоять там службу, а разговляться поехать дальше, в охотхозяйство. Но этот план, конечно, провалился: в Загорске им не дали даже остановиться – «Проезжай, проезжай!» – и прогнали к окраине. И тогда папа запел.

Саша, сам из старой купеческой семьи, ему помог, и, по словам Саши, они, пока ехали, отслужили всю службу по памяти. Не думаю, что всю, но многое из детства им запомнилось.

Забавный случай рассказывал отец о кинофестивале во Фрунзе (1976), куда он был приглашен в состав жюри (председательствовал в жюри Чингиз Айтматов). Дни фестиваля совпали с пасхальными праздниками. Накануне отец купил два десятка яиц, краски, вечером покрасил яйца разными узорами, и в Светлое Воскресенье пораньше, пока не собралось всё жюри, выставил тарелки с крашенными яйцами на стол жюри. Сначала все мялись, стеснялись, но потом пришла актриса, сказала: «Какая прелесть» – и взяла себе сразу 2 или 3 яйца. Тогда и остальные стали брать. В 2008 (или 2007) году в одной из телепередач об актрисе Л. Чурсиной я услышала ее рассказ об этом случае. Правда, автора раскраски яиц она не назвала, да и не знала. Я так поняла из ее рассказа, что этот приятный сюрприз «организовали» организаторы фестиваля. Нет, этот праздник им устроил художник, сохранивший детство в своей душе до самой смерти – умение радоваться празднику и радовать других.

И еще одну черту поведения унаследовал Иван Петрович из своего детства – это любовь к самодельной народной игрушке. А что еще могла подарить его мать своему младшенькому: глиняную свистульку да леденец (потом свистульки, лошадок и леденцы отец дарил мне).

Со своей мамой он ходил в дешевые торговые палатки в

Охотном ряду, научился торговаться и выбирать свежий товар. Красочно разложенные овощи, лесные ягоды, битая птица запечатлелись в его памяти. Будучи уже отцом семейства, он по воскресеньям, взяв меня с собой, ходил на рынок, покупая не сколько надо семье, а сколько ему приглянулось по красоте товара. Куда бы Иван Петрович не ездил, в российскую глубинку или за границу, он обязательно шел на рынок. Он был на рынках Канн, Ниццы и Марселя; в Марселе вообще был несколько часов, но всё же заскочил на рыбный рынок. Он был на рынках Варны, Праги, Загреба, Брюсселя, Монреаля и Бергамо. В Париже он попросил переводчика отвезти его и Л. К. Атаманова на знаменитый рынок «Чрево Парижа», куда они приехали к 4 утра, когда шла основная торговля оптом, там они ели знаменитый луковый суп, разговаривали с мэром этого района Парижа, который без всякой волокиты тут же, за соседним столиком, вел прием посетителей. Папа считал, что рынок является показателем жизни населения, он любил разговаривать с продавцами и покупателями, устраивал маленькие спектакли, торговался, спорил. Маленькая, пока я не сообразила, что это была веселая игра, я очень стеснялась такого поведения отца и никак не могла понять, почему спорщики вполне дружелюбно расходились, а очень часто продавец или бабушка-торговка дарили отцу какую-нибудь красивую морковку или синюю луковицу, а мне – яблоко, а папка покупал в соседнем ряду леденцов и приносил их продавцам «для внуков». Как я те-

перь понимаю, это тоже были отзвуки его детства.

Быт семьи Ивановых был очень простой. Ели простую пищу – щи всех видов (мясные, пустые, грибные, кислые), каши, овсяный и клюквенный кисели с молоком, селедку, по большим праздникам – заливной судак, жарили свинину, кур, уток. На зиму делали заготовки: квасили капусту, солили огурцы, грибы. В нашей семье и даже в нашей старой коммунальной квартире в Лопухинском переулке Иван Петрович был главным специалистом по засолке капусты (ее обязательно рубили сечкой в деревянном корыте), а также маринованию грибов и солению огурцов.

Одежда тоже самая обыкновенная: косоворотка, штаны, сапоги, даже на самых ранних сохранившихся фотографиях отца – парадные сапожки. Летом бегал босиком, он до самой старости любил ходить босиком.

В церковно-приходской школе, в которую его определили по социальному статусу – официально папа вплоть до 1918 г. оставался «безземельным крестьянином» (что подтверждалось справкой пристава) папа учился средне: отличные отметки по русскому языку, истории, и, конечно, Закону Божьему, по географии – хорошо, по математике – удовлетворительно, редко хорошо.

По окончании приходской школы папу определили в младшее отделение училища живописи, ваяния и зодчества. В этом училище преподавали братья Василий и Константин Спасские. В училище папа поначалу ходил в косоворотке,

пиджачке и картузе, несколько отличаясь от других учеников, пришедших туда из более культурных и зажиточных семей. Так что он не входил в компанию, которую описывает в своих воспоминаниях Зинаида Семеновна Брумберг; впрочем, она поступила в училище позже него. В младшей школе проходили общие предметы – русский язык, литературу, историю, географию, математику, добавился еще иностранный язык, который он так и не выучил как следует (отметка – удовлетворительно), а из специальных предметов – рисование в классе голов, торсов, затем натурщиков, копии античных картин, натюрморты. Выезды на природу были очень редки. Преподавалось у них черчение и изучение шрифтов, что позволило ему уже в 16–18 лет работать художником-чертежником в транспортной конторе, а затем – чертежником-архитектором в отделе строительства Рогожско-Симоновского участка Московского Управления.

В это же время началось увлечение театром, куда его водила сестра Елизавета. Это были балеты. Папа хорошо знал ведущих балерин, танцевавших в 1910–1918 гг. в Большом театре. Потом, когда он ездил во Францию, пожилые дамы из различных эмигрантских организаций были растроганы, когда он им рассказывал, в каких балетах он их видел (к сожалению, я не помню сейчас фамилий балерин, с которыми встречался отец, запомнилась только Суровцева). Вместе с В.И. Цыганковым, с которым он подружился в это время, они ходили в драматические театры, очень любили Малый

театр. Папа даже пытался вместе с Цыганковым поступить в школу-студию при Малом театре, наивно было с его дикцией – он не выговаривал букву «л», – идти в актеры. В.И. Цыганков поступил, но как актер впоследствии играл недолго, стал одним из режиссеров Малого театра, приглашал нас на свои постановки. Помню, как мы с отцом ходили на спектакли «За тех, кто в море» (Б. Лавренев, 1948), «Ярмарка тщеславия» по Теккерею (1960), «Луна зашла» (Д. Стейнбек, 1964).

Отец очень любил читать. Сначала это были дешевые издания детских книжек: сказки Пушкина, стихи Некрасова, повесть Аксакова «Детские годы Багрова-внука», рассказы Лескова, «Охотничьи рассказы» Тургенева, которого отец любил за «особую поэзию слога». Затем различные приключенческие романы – Жюль Верн, Вальтер Скотт, Дюма. В 1916 г. он на первые свои заработки купил «Анну Каренину»; он любил подписывать свои книги, а иногда ставил и год покупки. В 1921 г. был куплен Аристофан, чуть позже – Софокл. Началось серьезное чтение.

В детстве он был очень живым и непоседливым ребенком. Летом семья старшего брата Михаила выезжала в деревню – село Богородское. Сохранилась на этом месте церковь рядом с метро «Сокольники». Там босоногие мальчишки целый день носились по лугам и перелескам, играли в салки, лапту, городки, ловили рыбу, там он научился ловить птиц, сам ловил щеглов, держал их дома, а потом весной выпускал на волю. Позже он пытался научить держать в неволе щег-

лов и меня (мне было тогда лет 5–6), но из этого ничего не получилось, мне было жалко смотреть на птиц в клетке, я плакала…

Еще одно сильное увлечение отца, которое началось с детских лет и продолжалось до старости – это увлечение спортом. Когда он поступил в Училище живописи, ваяния и зодчества, то примерно с 14 лет переехал жить в семью старшей сестры Евдокии Петровны Спасской, которая на лето выезжала в село Барвиха. Там отец подружился с юношами старше него, которые занимались любительским спортом: летом – атлетика, футбол; зимой – лыжи, позже – хоккей. Клуб назывался ОЛЛС (Общество любителей лыжного спорта) и базировался в Сокольниках. Юноши держались дружно, у них был боевой клич «Олелес за Олелес!». В 1923 г. Общество было расформировано и слилось впоследствии с клубом ЦДКА (ЦСКА).

Иван Петрович занимался любительским спортом по-любительски: участвовал во всех занятиях, но больших высот не достиг: в хоккей с мячом играл во второй команде, а в футбол бросил играть довольно рано; в хоккей играл до самой войны и даже некоторое время после возвращения из эвакуации. На хоккейные соревнования мама со мной ходила болеть за отца. Вершиной спортивных достижений отца было участие в составе сборной в международном матче по баскетболу с командой «Баски» в 1926 г.

В футбол отец играл во втором составе, играл хавбека

(не помню, правого или левого). Ему не хватало скоростного рывка, чтобы играть в нападении, зато обводить противника, держать мяч, финтить он умел хорошо, за что и получил в команде прозвище «веретено».

В теннис отец начал играть в 20-е годы и играл долго. Участвовал в играх на первенство Дома Кино, но там первые места занимал Николай Николаевич Озеров, отец занимал 2–3 места, с возрастом отодвигаясь всё дальше. Играл в паре с Николаем Карповичем Каракашем, тоже ВГИКовцем (преподавателем операторского мастерства) за клуб «Буревестник», даже брали 1–2 места на соревнованиях в Ленинграде (Каракаш играл очень хорошо, так что это заслуга Николая Карповича). В начале 1954 г. отец выступал за общество «Наука», на тренировке сильно повредил ногу, восстановиться не смог, и ему пришлось уйти из тенниса. Он перекочевал в стан болельщиков: ходил на все матчи ЦСКА по футболу и хоккею, на интересные встречи по теннису. В день его 70-летия руководство клуба ЦСКА вручило ему свидетельство «Ветеран спорта ЦСКА».

Занятия спортом с ранней юности дали отцу хорошую закалку и помогли ему вынести те нагрузки по работе, которые он на себя взваливал, любя и увлекаясь выбранной профессией.

«Удивительная магия искусства захватила и покорила моё сердце»

Серьезный путь к приобретению профессии начался в 1918 г., когда Иван Петрович перешел на старшие курсы бывшего Училища живописи, ваяния и зодчества, преобразованного к этому времени в Свободные государственные мастерские, которые подразделялись на два отделения: первое – мастерские живописи и скульптуры, второе – мастерские архитектуры, полиграфии. К этому времени отце уже работал чертежником, а затем – чертежником-архитектором в Отделе строительства Транспортного управления Москвы. Но мечтал он работать в книжной графике и журнальной иллюстрации. Отец считал, что ему крайне повезло: во II отделении занятия вел В.А. Фаворский. Учеба в классе Фаворского оставила глубокий след в творчестве отца, привила ему любовь к четкости и выразительности рисунка, графики, гравюры, тщательной проработке деталей. Папа всегда с особым благоговением вспоминал этого великого мастера, впоследствии всегда ходил на выставки с участием его работ. Большое влияние на отца оказал Александр Дмитриевич Корин, друг И.И. Машкова, прекрасный рисовальщик и живописец, впоследствии художник-реставратор (работал реставратором в ГМИИ им. Пушкина, восстанавливал картины Дрезденской галереи и многие, многие другие ценные

произведения). Его приглашали делать копии картин многие музеи и галереи, иногда он брал с собой учеников, учил их мастерству рисунка, технике рисунка, знакомил с манерой творчества разных художников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.